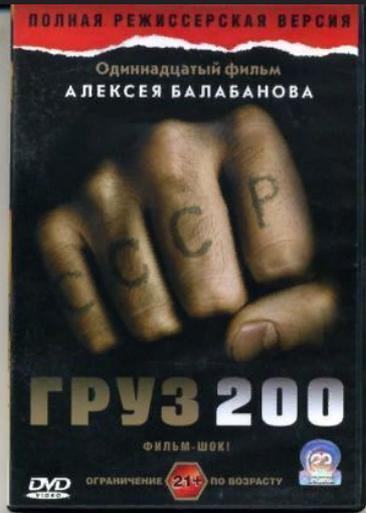

Мир А.О.Балабанова

Балабанов утверждал, что ничего не просчитывает. Его позерство было искренним, а троллинг «простого зрителя» — жестоким, как подобает настоящему художнику. За исключением сделанного по всем фестивальным правилам дебюта 1991 года, все фильмы Балабанова так или иначе получали неоднозначную реакцию, ввергали в недоумение, и даже не будучи снятыми, вызывали тревогу.

Навеянная Тарантино и открыто декларирующая универсальность его сюжетов для всех уголков мира, комедия «Жмурки» не понравилась никому — аудитория русского криминала не поняла иронии, интеллигенции помешало традиционное чистоплюйство. «Груз 200» реабилитировал режиссера как мастера своего дела, но порадовал разве что поклонников слэшера. Тогда Андрей Плахов сравнил Балабанова с Пазолини, который в свое время скандализировал европейских левых и заработал репутацию маргинала.

Балабанов — разноплановый режиссер, осваивавший разные жанровые конвенции, чтобы взорвать и преобразовать их изнутри, пропитав авторским присутствием. И в то же время Балабанов — режиссер одной темы. От ранних сюрреалистических картин («Счастливые дни», «Замок») к поздним цитатным и минималистическим («Кочегар», «Я тоже хочу») проступает сюжет распада, своеобразной инволюции человека.

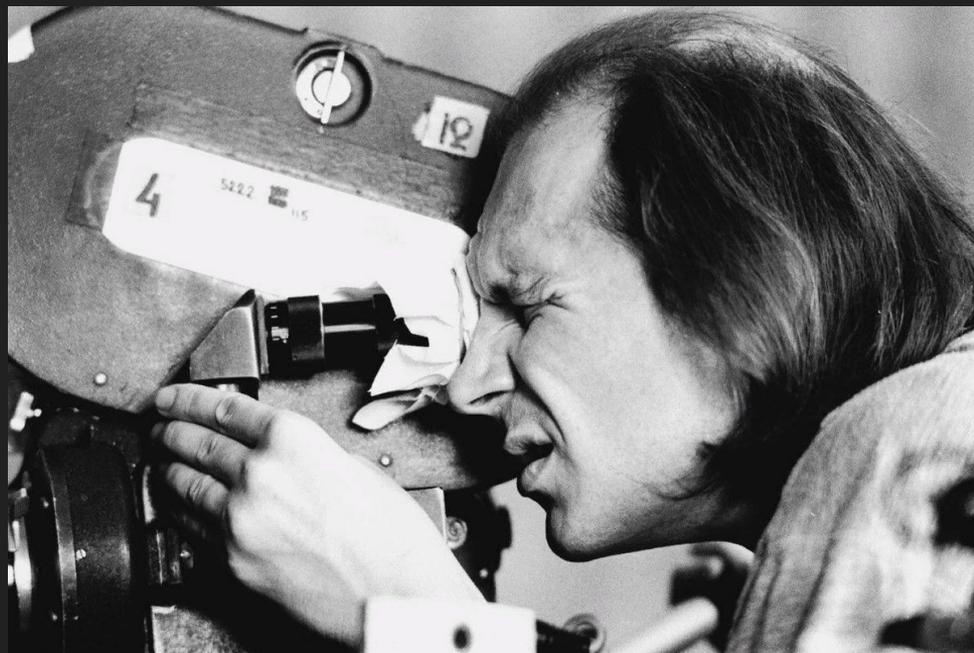
Наблюдение за этим процессом и предполагает, что режиссер актуализирует коллективное бессознательное то мещанства (как в «Братьях», «Жмурках» и «Грузе 200»), то интеллигенции («Про уродов и людей», «Морфий», мелодрама «Мне не больно»). В итоге оба социальных слоя демонстрируют свою слабость и никчемность.

Нэнси Конди в книге «След империи» в главе о Балабанове под характерным названием «Влечение столицы к смерти» (The Metropolitan Death Drive) пишет, что режиссер напоминает зрителю о его природе: человек — коварное и жестокое животное (a cunning and cruel animal), и нам всем следует помнить об этом.

Поясняя картину с программным названием «Про уродов и людей», Балабанов невозмутимо уточнял, что интересуется только негативными проявлениями жизни, потому что уже рождение человека — это боль. Люди, заключал далее Балабанов, как таковые неинтересны, интересны страдания.

Мир Балабанова начинается и заканчивается заведомой пустотой, которую люди судорожно тщатся преодолеть, заполнить вещами, собой, своими проекциями, но неизменно терпят поражение, уходят ни с чем. Даже воцарившиеся в депутатских креслах бандитские шестерки из «Жмурок» заставляют разве что ухмыльнуться по адресу тех, кто управляет страной напротив их московского офиса. Герои всех фильмов Балабанова умирают или разбредаются, точнее, пассивно распыляются. Они — пыль. Пустота сильнее полноты, энтропия — избыточности, хаос — порядка.

